

и религиозные памятники долины Нила, он не прошел бы мимо религиозных мистерий, в которых, как известно, принимало участие большое количество лиц. Он установил бы в этом случае, несомненно, некоторую общность между ними и изучаемым им текстом С и был бы первым исследователем, указавшим на существование в Угарите религиозной драмы. Ему стали бы тогда также яснее некоторые частности изучаемого документа, например, связь богини Аперат с морем или отношение Аперат и Анат к богу Элу, главе угаритского пантеона, рассказы о временном бесплодии обеих богинь и о рождении богов. Ознакомление с древнеегипетскими драматическими текстами и описанием осирических мистерий, вероятно, удержало бы автора от рискованного отождествления «*ḫḫm*» и «*ḫḫm*» строк 7-й и 26-й с «ивами» и с «каменными пальмами». Он увидел бы в них, конечно, участников мистерийных действий.

Упрек акад. Н. М. Никольскому в недостаточном использовании египтологического материала уже затрагивает не только область методики, но и область методологии, поскольку в пренебрежении оставлено одно из основных ее требований, а именно комплексное изучение исследуемого источника. В задачи предлагаемого отзыва не входят указания на методологические ошибки, свойственные настоящей книге. Наша задача ограничивается установлением лишь методических погрешностей автора, дабы их можно было бы учесть при новом издании, которое должно быть подготовлено в самое ближайшее время.

Акад. В. В. Струве

II

До начатых в 1929 г. раскопок в Рас-Шамре (древнем Угарите) история Финикии оставалась наиболее темным местом в области изучения древнего Востока. Сведения о древней Финикии черпались преимущественно из свидетельств иноземных источников. Вот почему финикийцы известны были прежде всего как народ мореплавателей и торговцев. Внутренний же строй Финикии, ее экономика, ее быт, ее общественное и политическое устройство известны были очень мало и поверхностно. Литературные и пока еще немногочисленные хозяйственные и деловые документы, найденные в Рас-Шамре, впервые открывают возможность ближе ознакомиться со всеми этими сторонами жизни древней Финикии. Однако далее попыток расшифровки и первоначальной обработки отдельных текстов и документов дело изучения вновь открытых памятников пока не продвинулось.

Тем больший интерес должно представлять появление новой книги акад. Никольского¹. Основное содержание книги акад. Никольского посвящено исследованию и переводу текста С из Угарита. Текст этот содержит в себе описание обрядностей, связанных с рождением «благотных богов». Интерпретируя этот текст, автор делает очень интересную по своему замыслу попытку обнаружить скрывающиеся за официальным жреческим культом и за позднейшими божествами финикийского пантеона пережитки образов и представлений собственно народной земледельческой религии и связанных с этими представлениями обрядностей, аналогичных тем примитивным представлениям и обрядностям, которые можно проследить у всех народов.

Следует заметить, однако, что текст С представляет большие трудности для перевода и допускает самые различные толкования в виду того, что самый язык угаритских текстов полностью далеко еще не изучен. Немало примеров таких расхождений в толковании содержания текста С можно найти в книге самого Н. М. Никольского.

¹ Содержание статей Н. М. Никольского, помещенных в «Историческом журнале» за 1945 г. и в ВДИ за 1946 г., №№ 1 и 2, вошло в рецензируемую книгу.

К сожалению, автору осталась недоступной литература последнего послевоенного времени. В самое последнее время акад. В. В. Струве на сессии Ленинградского университета в конце ноября 1948 г. сделал доклад по поводу текста С, в котором предложил свой перевод, совершенно отличный от перевода акад. Никольского. Вот почему ввиду такого расхождения в толковании и переводе этого спорного текста самая попытка академика Н. М. Никольского вскрыть при его помощи представления народной земледельческой религии при всем вызываемом ею интересе оказывается, быть может, преждевременной.

Содержание книги акад. Никольского, однако, не исчерпывается исследованием проблем финикийской религии и финикийских культов. Самое исследование этих культов служит для автора лишь основой для постановки общей проблемы о характере культуры и общественного строя древней Финикии, проблемы, имеющей более существенное значение, нежели вопросы финикийской религии сами по себе. Поэтому высказываемые акад. Никольским по этой основной проблеме соображения заслуживают специального внимания и на них необходимо остановиться особо.

Вопросам общественного строя древних финикийских городов специальное внимание уделяется в последней, заключительной главе книги акад. Никольского, хотя автор не раз обращается к ним и в предшествующих главах. Из факта общественного отправления описываемых в тексте С обрядностей — а этот факт не подлежит сомнению — акад. Никольский делает заключение, что культ благостных богов носил не только земледельческий, но и общинный характер и практиковался внутри земледельческих общин. Признание же факта общинного отправления земледельческих культов в свою очередь служит исходным пунктом для заключения о том, что именно община и общинный строй лежали в основе всей общественной и политической жизни страны. «Текст Egeu и другие использованные нами ритуальные тексты Рас-Шамры, — говорит он, — самым убедительным образом показывают, что попытки некоторых современных историков «присесть à la grecque» финикийский общественно-политический быт и строй являются совершенно произвольными субъективными спекуляциями, не имеют под собой никаких реальных фактических оснований» (стр. 232). В самой решительной и категорической форме выступая против распространенного представления о финикийских царствах как о городах-государствах типа античных полисов, благосостояние которых основывалось не на земледелии, а на торговле (стр. 156), акад. Никольский в то же время находит, что «общественный строй финикийских царств был того же типа, как и общественный строй других древневосточных государств» (стр. 158). Подобно этим последним, и общественный строй Финикии основывался на общине и на общинном землевладении и возглавлялся деспотическими правительствами отдельных городов (стр. 158 сл., 309 сл.).

В подтверждение своей характеристики общественного строя Финикии акад. Никольский приводит и некоторые данные из деловых и хозяйственных документов, в небольшом количестве пока найденных в Рас-Шамре.

Ввиду крайней важности и ответственности высказываемых здесь акад. Никольским положений, они, как сказано, заслуживают специального внимания. Рассмотрим, насколько доказательна его аргументация. Необходимо прежде всего заметить, что, признавая за акад. Никольским заслугу установления коллективного выполнения земледельческих обрядов, нельзя в то же время безоговорочно согласиться с ним в том, что сам по себе этот факт является несомненным свидетельством преобладания общинного строя в финикийских городах. Начать с того, что в данном случае он сам предполагает, что мы имеем в тексте С дело не с непосредственным выполнением общинных земледельческих обрядов, но с их модификацией, с переработкой и переосмыслением наиболее существенных частей ритуала представителями официального культа, выступающими и в качестве активных исполнителей. Помимо этого сомнение в безусловной правильности подобного заключения вызывают также совершенно сходные факты коллективного выполнения земледельческих обрядов и в той самой Греции, против всяких аналогий с которой так решительно протестует Н. М. Никольский. Земледельческие культы практиковались не менее, если не более, широко в народной религии

Греции, и именно ее наиболее передовой области — Аттики. Связанные с этими обрядами образы и представления известны здесь в их еще более непосредственном и немодифицированном виде. В то же время в Аттике известно и коллективное выполнение этих обрядов. В основе календаря аттических праздников лежали прежде всего именно коллективно выполняемые сельскохозяйственные обрядности, лишь с течением времени обраставшие обрядами иного назначения. При этом первоначальное местное сельское происхождение этих обрядностей выступает гораздо определеннее, нежели в ритуале текста Рас-Шамры. Особенно отчетливо это наблюдается на примере праздника Дионисий. Как известно, ежегодно справлявшиеся сельские Дионисии отличались от больших городских Дионисий, установленных, как можно думать, при Писистрате и справлявшихся раз в четыре года. В основе обряда сельских Дионисий лежал часто сельскохозяйственный, «мужицкий», по выражению Плутарха, культ фаллоса, как магического средства поднятия плодородия. Показательно уже самое название сельских Дионисий — *τὰ κατ' ἀγροῦς Διονύσια* (у Гарпократиона, р. 143, встречается еще более определенное выражение *τὰ κατὰ δῆμον Διονύσια*). В праздновании сельских Дионисий отдельные думы представлены были несколькими хорами — комами со своими комархами во главе. Мало того, имеется ряд свидетельств о существовании в Аттике под тем же наименованием местных праздников, не включенных в официально признанный календарь праздников. Итак, если судить по этой аналогии с Аттикой, где сельская община, как известно, рано исчезла, самый факт коллективного отправления сельскохозяйственных культов и обрядов сам по себе еще ничего не говорит об их собственно общинном (в узком значении) характере.

Не более доказательны и другие данные, которыми акад. Никольский думает подтвердить свой тезис об общине как базе общественного строя финикийских городов. Особенно показательными с его точки зрения представляются данные так называемого марсельского тарифа, найденного в карфагенской колонии Массалии (совр. Марселе), причем фрагменты аналогичного тарифа найдены и в самом Карфагене. В строках 16—17-й названы здесь четыре категории коллективов, которые являются приписителями жертв, именно: «всякое племя, всякий род, всякая братчина (каких-либо) богов и всякая группа людей» (стр. 159). Текст этот не только не может служить доказательством существования сельской общины в Финикии, но и вообще ничего не говорит об общине. Да и о какой сельской общине могла идти речь в торговой колонии, какую представляла собою Массалия? Здесь упоминается «братчина богов», причем настойчивое утверждение, что под этой «братчиной богов» должно разуметь именно сельскую общину, может вызвать у читателя только недоумение. С другой стороны, все перечисленные архаические учреждения приписаны исключительно богам, в чем следует видеть проявление консерватизма мысли, причем им специально противопоставляются, как реально существующие, «группы (т. е. случайные временные объединения) людей». Наконец, сам по себе факт упоминания племени, рода, братчины не имеет той показательной силы, какую предполагает акад. Никольский, поскольку те же самые учреждения с совершенно аналогичными обозначениями (филы, роды, фратрии) существовали и в древней Греции, точно так же как и в Риме, и притом не в таком малоопределенном и сомнительном значении, как в марсельском тарифе, но в применении к реально существовавшим общественным делениям, восходящим, хотя и с совершенно измененным значением, ко времени первобытно-общинного строя. Соответственно и в «братчине» марсельского тарифа гораздо естественнее видеть не сельскую общину, а именно такую же первоначальную архаическую форму объединения родов.

Обращаемся к документальным данным, на которых базируется акад. Н. М. Никольский, стремясь доказать существование общинного строя в Финикии. В одном из документов царского архива в Угарите, найденных в 1938/39 г., делаются распоряжения относительно сбора налогов и поставок военных отрядов с 90 «городов», которые акад. Никольский интерпретирует как села. Другой документ содержит перечисление состава экипажей трех больших морских судов по 80—90 человек в каждом, указанных не поименно, а партиями, обозначенными групповыми именами. Отвергая

предположение Виролло о родовом значении этих наименований, акад. Никольский, со своей стороны, считает, что они «относятся, конечно, к общинам» (стр. 164). В третьем документе говорится о выдаче растительного масла [3 гур—ок. 400 литров] «для прокорма (akal)» восьми лицам. Акад. Никольский предполагает, что эти восемь лиц получали довольствие не для себя лично, но для членов общин, привлеченных к работам на дом царя (там же). Возможно, конечно, что в этих случаях действительно имеются в виду члены общин; однако прямых указаний на это в самих документах не содержится. С другой стороны, не менее вероятно, что при этом указывается только место происхождения отдельных групп воинов или матросов; делать же предположения о характере и общественном значении поселений, из которых происходили эти партии, было бы во всяком случае преждевременно. И в данном случае можно сослаться на пример Греции и прежде всего Аттики, где также, как известно, население распределялось по местным территориальным единицам — демам. По демам образовались военные отряды, по демам составлялись списки граждан, павших в сражениях; наконец, каждый гражданин, помимо собственного имени и имени отца, обозначался по дему, из которого происходил. Как видим, и в данном случае наблюдается почти полная, по крайней мере внешняя, аналогия с античностью, против чего как раз и возражает акад. Никольский. Таким образом, и эти примеры нельзя признать показательными.

Еще менее показательны деловые документы, которые, по мнению акад. Никольского, должны свидетельствовать о существовании домашней общины. Уже одно то, что в этих документах идет речь об имуществе богатых торговцев, заставляет усомниться в возможности сохранения в их хозяйстве порядков домашней общины. Против этого, вопреки мнению акад. Никольского, говорит и самое их содержание. Один документ представляет завещательное распоряжение, причем перечисляются рабы, бронза в различном виде, корабли и лишь на последнем месте полевой участок; в другом документе речь идет о продаже недвижимого имущества, заключающегося в доме, полях, масличных плантациях и виноградниках; продавец оставляет за собою только бронзу, представлявшую ходкий товар и служившую в то же время средством обмена. В обоих этих случаях нет оснований полагать, что дело идет об имуществе домашних общин; в одном документе недвижимое имущество стоит на последнем месте, в другом—оно служит предметом продажи при сохранении движимости, а между тем именно недвижимое имущество лежит в основе всякого домашнего хозяйства и именно отсутствие права распоряжаться и отчуждать недвижимую собственность и составляет основную и характерную черту домашней общины. Не будем останавливаться на других примерах, касающихся торговой деятельности ассирийских купцов и агентов в Угарите, занимавшихся скушкой местных продуктов и изделий, примерах, которые вовсе не доказывают, что местные продукты и изделия не служили предметом вывоза и что финикийская торговля носила исключительно посреднический характер.

Акад. Никольский, выступая с критикой господствующих представлений об общественном строе и культуре финикийских городов, замечает, что не следует эти последние «причесывать à la gresque». С этим нельзя не согласиться; именно убеждение в том, что распространенные в советской науке истории древнего Востока установившиеся в этом направлении, и побудило автора настоящих строк выступить против этих ошибочных, с его точки зрения, установок. Однако не менее ошибочными представляются обратные попытки стандартизировать историю отдельных стран древнего Востока и причислять всех их одинаково, так сказать, à l'orient. Общественный строй и культура народов определяются не географическими координатами, а теми условиями, в каких происходит их развитие. К истории каждого народа следует подходить поэтому конкретно, а не с общей меркой. И в этом отношении никак нельзя недооценивать того влияния, какое развитие торговли должно было оказывать на разложение более примитивных форм быта в жизни финикийских городов. В частности, не следует преуменьшать также значения и размеров местного вывоза. В Египте большим спросом пользовались финикийские металлические изделия — сосуды и другие предметы художественной промышленности, выложенные золотом и серебром колесницы. О вы-

возе пурпурных тканей в Ассирию свидетельствуют данные, приводимые в книге самого акад. Никольского. Особенно существенным в интересующем нас отношении представляется широкий вывоз вина, об изобилии которого в Финикии свидетельствуют надписи Тутмоса III. Из этого можно заключить, что такая существенная и, быть может, доминирующая, в финикийских городах отрасль земледельческого хозяйства, как виноградарство и виноделие, в значительной мере находилась в зависимости от торговли, и это обстоятельство так или иначе могло не оказывать влияния на положение общины. Конечно, этими соображениями вопрос ни о характере, ни о сохранении или исчезновении общины еще никоим образом не предпрещается. Следует признать лишь, что для ответа на него у нас нет пока данных; данные же, приводимые акад. Никольским, не всегда убедительны и во всяком случае недостаточны.

Возможно, тем более в такую относительно раннюю эпоху, к какой относится время составления текста С, общинный строй находился еще в полной силе (что ничего не говорит еще о его дальнейшей судьбе). Возможно, и даже вероятно, что и общественный и политический строй внешне складывался в это время по образцу государственного строя крупных соседних государств. Это косвенно подтверждают документы о рекрутировании матросов и о выдаче довольствия людям, участвующим, по предположению акад. Никольского, в работах на дом царя. Однако, даже и признавая возможность такого сходства внешних форм, нельзя в то же время упускать из виду и специфических, и притом очень существенных, моментов, которые отличали общественный строй Финикии от строя других государств древнего Востока. Прежде всего, здесь не существовало тех специфических условий, которые в областях речных культур обуславливали собою деспотический характер власти. Здесь вместе с этим не существовало и тех тенденций к объединению, как в Египте и Двуречье, чем и объясняется раздробленность Финикии на ряд небольших царств. Если не следует совсем игнорировать значения сельского хозяйства в экономической жизни Финикии, обладавшей хотя и узкой, но плодородной береговой полосой, то нельзя, с другой стороны, недооценивать и разлагающее влияние торговли, в частности на общинный строй. Местные царьки являлись не столько верховными распорядителями земельной собственности, как цари Египта и Двуречья, сколько торговцами. Об этом свидетельствуют документы, приводимые самим Н. М. Никольским. «Большой мудростью посредством торговли твоей ты умножил богатства твои и возгордился богатством твоим», — такими словами характеризует израильский пророк Иезекииль царя Тира. Соответственно и окружение царя составляли не жрецы и воины, как в Египте и Вавилоне, но богатые торговцы. «Купцы — князья; торговцы — знаменитость земли», — говорит о Финикии другой пророк — Исайя¹.

Что касается, наконец, вопроса о допустимости аналогии с античностью, в этом отношении можно сослаться на свидетельство такого авторитетного представителя самой античности, каким был Аристотель. Проводя резкую грань между эллинами и восточными варварами и утверждая, что на востоке все — рабы, подчиненные воле одного господина, он в то же время делает в этом отношении исключение именно для финикийцев (карфагенян). Давая обзор различных политических форм на основании исключительно данных, взятых из конституций различных греческих городов, Аристотель все же находит возможным специально, и притом очень обстоятельно, остановиться на государственном устройстве Карфагена, замечая при этом, что «карфагеняне, как полагают, пользуются прекрасным государственным устройством», и находя в этом последнем черты сходства с государственным строем лакедемонян².

Заканчивая на этом нашу рецензию книги акад. Н. М. Никольского, мы можем в заключение констатировать, что если и нельзя совершенно безоговорочно согласиться с той общей характеристикой, которая дается в ней хозяйственному и общественному

¹ Значение купечества в жизни Угарита на основании финикийских же источников вполне отчетливо показано в книге самого акад. Никольского, стр. 310.

² См. Аристотель, Политика, II, 8 (1272 b — 1273 b).

строю Финикии, то самая постановка этой проблемы, не затрагивавшейся еще в советской научной литературе, представляет большой сдвиг и несомненную заслугу автора.

Акад. А. И. Тюменев

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА. Сборник статей под редакцией академика И. И. Толстого. Академия Наук СССР. Научно-популярная серия. 367 стр. + 1 карта. М.—Л., 1948, тираж 4000 экз., цена 20 руб.

Сборник состоит из четырех отделов, написанных разными авторами. Больше двух третей его составляют работы М. И. Максимова. Ей принадлежат полностью: отдел первый — «Сырьевая база и первичная обработка материалов» и отдел второй — «Строительная техника», который, в свою очередь, распадается на пять отдельных статей: «Строительство зданий», «Типы частных и общественных зданий», «Планировка и строительство городов», «Водоснабжение и канализация», «Организация строительных работ. Администрация. Рабочая сила». Третий раздел — «Техника промышленности» состоит из четырех статей. Две первые: «Обработка изделий» и «Техника текстильной промышленности» — написаны также М. И. Максимова, третья — «Техника изготовления папируса» принадлежит П. В. Ернштедту и, наконец, последняя статья — «Монетная техника» написана А. Н. Зографом. Отдел четвертый — «Техника военного дела и мореходства» содержит две соответствующие статьи, написанные совместно А. В. Болдыревым и Я. М. Боровским. Далее следуют приложения, примечания, указатели и карта эллинистических государств.

Как видно из перечня содержания, сборник представляет значительный интерес и призван заполнить существенный пробел в нашей научной литературе по технике эпохи эллинизма и косвенно по технике античного мира вообще. Вопросы, обстоятельно разбираемые в сборнике, обычно входили составными частями в историю архитектуры и в общую историю культуры, а вопросы военной техники — в историю военного искусства, в которой главное внимание уделялось не технике, а описанию войн и отдельных сражений. Таким образом, вопросы, на которых акцентируют свое внимание авторы сборника, несмотря на все их значение, обычно занимали подчиненное положение.

Специальные работы по античной технике, как, например, известная книга Дильса, по сути дела не являются подлинными историями античной техники, а, главным образом, сборниками различных технических курьезов, которые интересны сами по себе, но античной техники как таковой не представляют, так как не нашли или почти не нашли в ней сколько-нибудь значительного применения. В русской дореволюционной и в советской научной литературе вообще есть работы по отдельным вопросам античной техники. Некоторые из них, правда, далеко не все, упомянуты авторами рецензируемого сборника. Однако специальный сборник «Эллинистическая техника» издан впервые. Кроме того, в нем выдвинуты на первое место и подвергнуты подробному рассмотрению те стороны техники, которые в большинстве работ незаслуженно оставались в тени. В этом ценность сборника и заслуга его авторов, в первую очередь М. И. Максимова. Советские ученые, естественно, обратили свое внимание не на курьезы, а на основные элементы техники, начиная с ее сырьевой базы, камня, металла, дерева и т. д. Но здесь начинаются и недочеты сборника, на которых тем более следует остановиться, что, — как мы уже отмечали, — перед нами серьезный научный труд, имеющий целью заполнить существенный пробел в литературе по эллинистической технике.

Как видно из перечня содержания сборника, эллинистическая техника охвачена в нем неполно. Главный аспект сборника: камень, металл, дерево и их обработка.